

Соб. Россия - 1994 - Декабрь - с. 2.

ПЕРЕД ЛИЦОМ КРУШЕНИЯ

Я думаю, что у многих опустились руки сейчас, вы правы. Но если начать забывать свое ремесло, то, в чем всю свою жизнь видел источник и смысл жизни,—это губительно. Надо писать, писать обо всем, чем отмечена жизнь... Есть о чем писать!

— Можно фиксировать приметы времени — они впечатляюще сегодня. Но этим, по сути, также занимается и журналистика, на своем уровне. С другой стороны, вы как художник, воспитанный советским мировоззрением, художник, убежденный в том, что был участником сотворения самого справедливого мироустройства, вы оказались перед лицом крушения, обвала. Что подсказывает ваше внутреннее чутье, каковы возможности выхода к свету?..

— ...Я вспоминаю:
Лошадь захромала — командир убит,
Командир убит — армия бежит,
Враг вступает в город,
Плменные не щадя,
Погожу что в кузнице не было
звезда.

Вот такой образ приходит на ум для характеристики состояния, в котором находимся. И все в мучительных раздумьях ведет к одной мысли: спастись надеюсь на силу слова, потому что слово действует на разум людской, будит его чувства. Для того чтобы тебя поняли миллионы, нужно найти верное слово. Сейчас это очень трудно, происходит девальвация слова — это делается намеренно, методично, чтобы слово обманывало.

Давайте проанализируем, что произошло со словом «демократия». Мы представляли его как возвращение власти народа. А что произошло? Люди, поверившие, что движение, назвавшее себя «демократическим», привел их к истинному народовластию, оказались заложниками обмана, и на поверку это сладкое слово «демократия» превратилось в горчайшую пилюлю.

После того, что произошло в 1991 году и осенью 1993-го, как можно говорить об идеалах демократии, о свободе, о правах человека? Слово потеряло свою силу. «Да здравствует демократия!» — теперь это не более чем пустой звук, лозунг лишенный содержания, смысла. Почему политика таким прессом жгала литературу? Великий обман произошел, жуткая девальвация слова. И это отразилось и в литературе, в которой оказалось очень много «власовцев».

Но, как известно, есть закон бумеранга. Он коснулся всех, кто предал Родину во время войны. Ведь эти литературные власовцы предали самое святое, чему и должны служить писатели... Но жить в состоянии неверия

все же нельзя. И писатели, кто остался честен, обязаны возвышать свой голос против того, что уничтожается классика, уничтожается наша история, празднует тризну варварства. Откровенно и расчетливо выполняется задача — низвести нас до уровня колонии не только на бытовом уровне жизни, но и в сознании. Спецслужбы США была поставлена задача — дискредитировать Сталина, Советскую власть, русский народ. И культуру, конечно, и тогда все будут ползать, как мокрицы. И это все выполняется.

Посмотрите на иных деятелей культуры сейчас. После трагедии прошлого октября власти все-таки поняли — страна доведена до последнего градуса кипения, и поэтому пошли на консолидацию. Но с кем консолидироваться? Вот мой сосед, рьяный демократ, призвал поставить Бондарева к стенке. С ним консолидироваться? Окуджава одобрял расстрел народных депутатов в «Белом доме». Так что же, с палачами консолидироваться? Жертвы и палачи консолидироваться не могут. Потому что палачи все равно рано или поздно подведут жертву под гильотину. Природа у них такая.

В чем, однако, закон предательства? Закон предательства состоит в том, что предатель, совершая страшный поступок, втайне надеется, что его помилуют и он пригласят. Но нет... Его все равно потом уберут из этой жизни. Рано или поздно, но уберут. Предательство всегда наказуемо — это закон!

А после трагедии октября 1993 года многие деятели культуры перетрусили настолько, что отказали себе в праве честно высказать свое мнение. Ведь это ужасно!

— Тогда объясните феномен «славы». Ведь не понимают они не могут, что встали на путь бесславия, что в народе-то так и думают о них: «Эти люди, предавшие себя и своих героев!» Я говорю сейчас об известных артистах и писателях...

— Здесь мне кажется, нужно говорить о двух вещах.

Первое — о смысле жизни. Второе — о геростратовой славе. Если бы человек точно осознавал, для чего он родился, для чего учился, для чего его растила семья, для чего носили на руках, беспокоились о том, чтобы хорошо учился, не связался с дурной компанией... Ведь это все заботы о смысле жизни. Все родители хотят, чтобы их чадо постигало в этом мире что-то доброе. Ведь никто, даже в бандитских семьях, не мечтает вырастить головореза... Нет! Скорее всего мафии в Гарвардский университет отдаст свое чадо!

Я убежден, что человечество очень несовершенно и не подошло еще к пониманию смысла жизни. Легкой

жизни, без труда и без забот, сопротивляются не многие. Если бы многие сопротивлялись, жизнь была бы другой. Жизнь состоит из боли и наслаждения, но к боли не стремится никто! Стремятся хорошо есть-пить, веселиться, если возможно, быть в известности, в славе. Это тоже из серии удовольствий, потому что слава тешит самолюбие.

Человечество очень несовершенно, и это доказало наше время. А я вот вспоминаю войну — ведь каких только судеб тогда не было, но это были другие люди!

— Да, сейчас многие фронтовики говорят: «Уж лучше бы всего этого не видеть!» Но каждое время создает свою мораль и свои нравственные ориентиры. И тогда скажите: зачем вы себя мучаете, зачем пишете, подвергаете моральным страданиям? Для того, чтобы все-таки люди, услышав вашу боль, задумались, вы надеетесь повлиять на них, или просто потому, что вам хочется высказаться?

— О, вот это вопрос правильный. Просто так я писать не могу. Мне это неинтересно. Но если, написав страничку, я взволновался, открыл что-то в жизни, как мне кажется, тогда считаю, что не зря хлеб ем. Мне очень важно, чтобы открытое мною стало не только моим. Возьмите «Мгновения». Это же все написано на пределе искренности. В романах, конечно, есть элементы фантазии в развитии сюжета, в характерах и поступках героев. А здесь — душа моя открыта: вот он весь я, берите меня! Зачем я это делаю? Потому что считаю, что человечество так или иначе ищет пути своего совершенства. А я убежден, что именно культура отражает закономерности жизни, ее высшие и лучшие достижения. Отберите у народа язык, и не будет ни культуры его, ни истории, ни будущего, ни в конце концов самого народа. С легкой руки Горбачева, этого малограмотного и тщеславного господина, внедрен у нас «плюрализм» и «брифинги»; «конвергенция», «консенсус» ринулись в русский язык. Я почувствовал душой, что это делается намеренно, это порабощение русского языка, смертельное для него хирургическое вмешательство в живой его организм. Я говорил Горбачеву: нельзя этого делать! Плюрализм — это распад, разорванность человеческих связей. Или чехарда с переименованием улиц, площадей, носителей исторических вех, ее имен, ее трагедии и гордости. Нет! Наступление идет открытое. И наступление это на национальную самобытность России, на ее народ. Тургенев гениально выразил это: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» И вот посмотрите, к чему мы уже пришли с плюрализмом: идет разграбление не только нашего вещественного богатства, но и откатка наших интеллектуальных сил, на которые алчно накинулся Запад с Америкой во главе, как бы надеясь за счет интеллектуальных и духовных сил России себя поддержать. Но и в этом случае нелишне было бы помнить опыт первой русской эмиграции, он доказал, что национальная культура на инородной почве останавливается в своем развитии, как бы сохраняется в самой себе, культивирует сама себя и пытаясь донести до последующих поколений лишь только то, что застало ее на уровне времени ее изгнания с родной почвы. У нее нет будущего в его полноценном и полноценном развитии.

— В этой связи напрашивается вывод: путь, который отстаивает Россия, путь сохранения себя во имя будущего всего мира — это и есть историческая миссия России.

— Я думаю, что нужно так думать, потому что иначе теряется всякая надежда. Но положение таково, что видят на Россию мирового масштаба совершенно другие. И меня они очень пугают. Пугает то, что Россию хотят превратить в третьестепенный земельный регион клadeз природных богатств, питательными соками которого можно будет беззащитно пользоваться еще 50—100 лет... Боюсь, что наша земля предназначена и для захоронения атомных отходов. Во многом, к сожалению, будущее России и мира в конце концов зависит от тех, кто стоит сегодня у власти, — отдадут ли они окончательно Россию на разграбление или в конце концов разум все-таки возобладает. Вспомните, как ссидились на Западе с великой державой СССР! Власть имущие пустили страну под откос. И святая обязанность деятелей культуры — внушать и внушать людям: «У России великая историческая миссия», — проществовал еще Достоевский. Возможно, сегодня уже эти слова звучат фантастически, хотя убежден, что если с Россией случится что-то трагическое, то вслед за нею погибнет и Запад, ибо всегда он питался ее духом, да и просто тем, что она существует. С ее тайгой, легкими планеты, с ее недрами, с ее уникальным драгоценным запасом — невероятными и неожиданными людьми.

Беседу вела
Галина ОРЕХАНОВА.

Москва — Пахра,
Сентябрь 1994 г.

Умиротворение багряного леса, прелестный запах осени, мокрые ветки, бьющие по лицу, шорох осенней листвы... И покажется вдруг, что мир по-прежнему жив и прекрасен, что трагедия Родины отступила куда-то и можно здесь, в этой тишине, в этом уютном маленьком домике, окруженном малюсеньким садиком, в этой подмосковной Пахре, где живет Юрий Васильевич Бондарев, предаться раздумьям о жизни, уйти в себя, в воспоминания, затеряться в разгадках тайны о природе творчества и воле судьбы... Но нет, и здесь властвует беспощадное время. Вслушайтесь в горячие монологи Бондарева...

— Еще семь лет назад я убеждал общество, что оно играет с огнем, что перестройка очень напоминает мне ту ситуацию летом 1942 года, которая сложилась в Сталинграде, что нас ждет неминуемое поражение, если немедленно не остановить горбачевскую игру в реформы. Я сказал тогда прямо, что мы на краю пропасти. Мне не поверили. Больше того, началась травля в печати. И вот мы имеем сегодня...

— Известно ваше разочарование во многих собратях по перу здесь, на Родине. Не связано ли оно с тем, что иные не столько привержены тем ценностям, которые долгие годы мы называли социалистическими ценностями? Вы подчеркивали не раз уже, что писатели в защите народных интересов давно не отличаются единством. Но может быть, это и происходит потому, что они не согласны с вашим мнением о ситуации в стране?

— Знаете когда начались нынче видимые всему миру сломы нашей общественной жизни, вот тогда-то и обозначился этот водораздел. Власть оказалась в руках тех, кто предал основы нашей жизни. Предательство стало нормой жизни — предательство нашего строя, предательство веры отцов, предательство революции, предательство того, за что погибали старшие братья и в страданиях из последних сил берегли сестры, предательство героизма, предательство любви, товарищества, братства, дружбы, в конце концов интернационализма, если хотите... Люди хорошо проявились в своей сути, и боль и страдания от того, что мне довелось все это видеть, обратили меня снова к моей юности, к войне, к тому живительному роднику товарищества, которым мы так дорожили на фронте.

— Но ведь есть же писатели-фронтовики!

— Писательское фронтовое братство распалось. Ведь тот же Виктор Астафьев. Что это? «Мало вас, сволочей, били 23 февраля...» Как же так? О фронтовиках! Что это за злоба? На всех и вся — какое-то патологическое озлобление. Или тот же Окуджава. Мы работали с ним вместе в «Литературной газете», это было после выхода в свет моей книги «Батальоны просят огня», и Сергей Сергеевич Смирнов пригласил меня на работу, объединил нас тогда...

— Юрий Васильевич, а ваш новый роман «Победители»?..

— Сейчас появляется много новых его названий. Каким будет окончательное, пока трудно сказать. В процессе работы возникал «Белый поезд», как символ смерти, но наконец пришел к названию «Непротивление».

— И этот роман, конечно, связан с «Берегом», «Игрой», «Искушением».

— Думаю, что вас это немного удивит, но новый роман совсем о другом. Скорее в данном случае можно говорить о «Тишине», с которой есть перекличка...

— Хотелось бы получить от вас, Юрий Васильевич, ответ на вопрос: как повлило наше время на развитие современной литературы?

— Я думаю, это печальное время для искусства. Я совершенно не отношу себя к фальшивым оптимистам, и все же я сказал бы об этом, прибегнув к художественному образному сравнению: мне кажется, что именно сейчас эта огромных размеров льдина уже начинает подтаивать по краям. Достаточно примеров с Чейзом, или даже Стивенсоном, или теми же «Тысячей» и одним вопросом об эротике». Все это уже мало кого прельщает. Но это можно сказать о тех, кто имеет опыт знаний хорошей литературы. А молодежь, например, ее увлечение видео... Ведь фильмов хороших, тех же американских, раз-два и обчелся. А чепуха, которой завалены наши экраны, разрушает личность человека, и как потом поднимать ее, одному Богу известно. Литературу еще можно поднимать, но вовсе не так, как это пытаются делать свободная и нравственности печать, прославляющая ничтожнейшую современную литературу, которая сейчас создает лишь бесславные книги. Об авторах этих книг можно сказать — «неизвестные знаменитости».

— Но к их числу вы же не относите того же Солженицына?

— Да и его не читают. Потому что он никакой не пророк, ибо пророк — это избранник и посланец Бога. Он просто писатель, который обладал публицистическим даром. Все. И по этому учить ему Россию не следует. Не понимаете ли вы, что пытаются втиснуть современную Россию в образ той, дореволюционной, которую тоже не знает.

А вот как в этом мире жить?..